

избежал массовой гибели населения. Во многом благодаря этой помощи процесс восстановления хозяйства здесь проходил значительно быстрее, чем в других районах Кукуевского кантона. Например, в сентябре 1924 г. число дворов без скота составляло всего 8 % от всей численности⁵⁰. К 1926 г. можно говорить о полном восстановлении хозяйственного потенциала меннонитских колоний на Волге.

Примечания

- ¹ См.: *Ипатов А. Н.* Меннониты : вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978. С. 88.
- ² *Дёнингхаус В.* Революция, Реформа и Война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов, 2008. С. 174.
- ³ *Назарова Т. П.* Благотворительная деятельность зарубежных меннонитских организаций в Советском государстве в 1920 – начале 1930-х гг. (гуманитарная и агротехническая помощь, поддержка эмиграции). Волгоград, 2013. С. 61.
- ⁴ *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt : a Mennonite Settlement in the Central Volga Region. Winnipeg, 1995. P. 55.
- ⁵ Ibid. P. 54.
- ⁶ Ibid. P. 56.
- ⁷ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck // A Pilgrim People. Winnipeg, 1994. Vol. II. P. 56.
- ⁸ Ibid. P. 56–57.
- ⁹ Ibid. P. 60.
- ¹⁰ Ibid. P. 57.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 58–59.
- ¹³ Ibid. P. 60.
- ¹⁴ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 63.
- ¹⁵ Ibid. P. 63.
- ¹⁶ *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 59.
- ¹⁷ *Герман А. А.* Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге (1918–1941) : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 2004. С. 82–94.
- ¹⁸ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 64.
- ¹⁹ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 64–65.
- ²⁰ *Letkemann P.* Mennonites in the Soviet Inferno. 1917–1956 // Preservings. 1998. № 13. P. 10.
- ²¹ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 67; *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 64
- ²² *Винс О. В.* Смертность населения АО НП от голода в 1921–1922 гг. // Культура российских немцев в Поволжском регионе. Саратов, 1993. Вып. 1. История, теория, культура. С. 64.
- ²³ *Назарова Т. П.* Указ. соч. С. 103.
- ²⁴ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 72–73.
- ²⁵ *Johannes Dyck, Surukin W. E.* Am Trakt... P. 64.
- ²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 424. Оп. 1. Д. 9. Л. 72.
- ²⁷ *Назарова Т. П.* Указ. соч. С. 103.
- ²⁸ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 75; ГАРФ. Ф. 424. Д. 8. Л. 89.
- ²⁹ Ibid. P. 76.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 70.
- ³¹ Там же. Д. 8. Л. 74.
- ³² Там же. Л. 12, 61, 71.
- ³³ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 77.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 41.
- ³⁵ Там же. Д. 8. Л. 74.
- ³⁶ Там же. Д. 41. Л. 22–28.
- ³⁷ *Герман А. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 94.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 22–28.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Л. 12–21.
- ⁴² Там же. Л. 1–7.
- ⁴³ Там же. Д. 8. Л. 30.
- ⁴⁴ *Назарова Т. П.* Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 424. Д. 9. Л. 22–28.
- ⁴⁶ *Johannes J. Dyck.* Autobiography Johannes J. Dyck. P. 77.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Д. 487. Л. 20.
- ⁴⁹ Там же. Д. 209а. Л. 50.
- ⁵⁰ Там же. Д. 925. Л. 46.

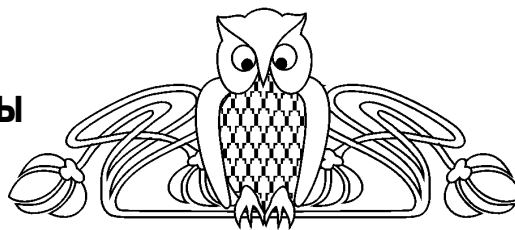
УДК [94+2](470.44)(09)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В 1930-е ГОДЫ

Ж. В. Яковлева

Саратовский государственный университет
E-mail: jgv1972@yandex.ru

В статье исследуется религиозная жизнь многоконфессионального населения Саратовского края в 1930-е гг. Антицерковная политика государства проводилась еще с 1917 г., однако в начале 1930-х гг. она резко активизировалась, сопровождалась

массовыми беззакониями и репрессиями. Разгромив церковь к середине 1930-х гг., большевицкая власть не смогла уничтожить религиозную жизнь, которая продолжалась полулегально и нелегально, несмотря на гонения и репрессии.

Ключевые слова: религиозная жизнь, Саратовское Поволжье, антирелигиозная кампания, закрытие церквей, православие, лютеранство, католицизм, ислам, иудаизм, церковные секты.

Religious Life in the Saratov Volga Region in the 1930s

J. V. Iakovleva

The paper investigates the multi-faith religious life of the population of the Saratov region in the 1930s. Anti-church policy of the state has carried out since 1917, but in the early 1930s. sharply intensified, accompanied by mass lawlessness and repression. Defeating the church to the middle of the 1930s., The Bolshevik government was not able to destroy the religious life, which lasted semi-legally and illegally, in spite of persecution and repression.

Key words: religious life, Saratov Volga region, anti-religious campaign, closing of churches, Orthodoxy, Lutheranism, Catholicism, Islam, Judaism, religious sects.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-95-100

Исторически сложилось так, что Саратовское Поволжье к началу XX в. представляло собой уникальный конгломерат многих народов, религий и культур. Это был регион с развитой этноконфессиональной структурой населения. Самой крупной конфессией являлось православие, за ним по численности верующих шли лютеранство, католицизм, ислам, меннонитство, иудаизм. У каждой из этих религий в Саратовском Поволжье имелись еще свои более мелкие ответвления. Саратов был епархиальным центром двух конфессий – православной и католической. Уникальным для региона было межконфессиональное согласие и высокая толерантность во взаимоотношениях верующих, что отмечается во многих дореволюционных изданиях, посвященных Саратову и Саратовскому Поволжью¹.

С приходом к власти большевиков в стране начались гонения на церковь и верующих. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» стал отправной точкой этих гонений². Идеология Советского социалистического государства не могла ужиться с религиозной идеологией, так как религия опровергала основы марксистского мировоззрения. Поэтому искоренить религию означало уничтожить главного идеологического противника – это стало одной из главных государственных задач. Жестокий натиск на церковь в годы Гражданской войны сменился относительным затишьем в годы нэпа. Однако в конце 1920-х гг. советское руководство взяло курс на «развернутое наступление социализма по всему фронту», что означало принудительную форсированную социалистическую модернизацию не только экономики, но и всех других сфер жизни населения. Ее составной частью стала новая агрессивная кампания против религии и церкви, которая получила активное развитие и в Саратовском Поволжье и была на-

правлена против всех без исключения религиозных конфессий.

В циркулярном письме ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», утвержденном ЦК ВКП (б) 24 января 1929 г. и подписанном секретарем ЦК Л. М. Кагановичем, открыто заявлялось, что «религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы»³. Отсюда ставилась очень жесткая задача – развернуть мощную антирелигиозную пропаганду, добиваясь изоляции церкви и устранения ее влияния на массы.

8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», которое резко ухудшило положение церкви в Советском государстве, поставило ее в полную зависимость от власти и ее прихотей⁴. Религиозные объединения были лишены права «юридического лица», потому перестали быть субъектами права, не могли обращаться в суд за защитой своих прав. *Разрешительный* порядок создания религиозных объединений означал, что религиозное общество или группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь после принятия решения об их регистрации. Такой порядок создания религиозных объединений предоставлял властям возможности, с одной стороны, под надуманными предлогами отказывать в регистрации создаваемого религиозного общества или затягивать ее на неопределенно долгий срок, а с другой стороны, в административном порядке ликвидировать действующие религиозные общества. В том и в другом случае действия властей не могли быть обжалованы в судебном порядке.

Религиозные объединения были лишены права осуществлять благотворительную деятельность. Им запрещалось создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; оказывать материальную поддержку своим членам; организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

Согласно логике советских властей в СССР трудоспособные граждане должны были самостоятельно зарабатывать на жизнь, а нетрудоспособных обеспечивало государство. В этой системе (теоретически) не было обездоленных. Религиозная благотворительность рассматривалась как косвенное материальное стимулирование распространения религии, как некий «инструмент вербовки» новых верующих, недопустимый в социалистической стране. Подходящий налог,

которым облагались служители религиозных культов, мог достигать 81% – наравне с налогообложением частных коммерческих предприятий. Церковь многие годы ходатайствовала о снижении налогообложения духовенства, приравнивании его к налогообложению доходов с частной практики врачей, педагогов, адвокатов (ставка налога до 69 %). Представители советской власти не соглашались на такой вариант, полагая, что это было бы равносильно признанию деятельности священнослужителей общественно полезной (в то время как, с точки зрения марксистских догм, служители культов получают доходы от эксплуатации религиозных предрассудков)⁵.

В Конституции РСФСР 1918 г. гарантировалась «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды». Однако в мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов РСФСР в статью 4 Конституции РСФСР были внесены поправки, заменившие свободу религиозной пропаганды на свободу религиозных исповеданий. При этом право антирелигиозной пропаганды сохранялось⁶.

Постановление «О религиозных объединениях» стало основой для развернувшейся в конце 1920 – начале 1930-х гг. беспрецедентной кампании по ликвидации церковных общин, отъему храмов у верующих и передачи их на нужды государства, либо варварскому уничтожению.

Кампания широко проводилась и в Саратовском Поволжье. Если до 1917 г. на территории Саратовской области в границах 1938 г. действовало 1056 церквей, монастырей, мечетей и молельных домов, то в 1938 г. осталось всего около 60 действующих церквей⁷. За это же время в Республике немцев Поволжья было закрыто около 200 церквей⁸. Таким образом, на территории Саратовского Поволжья было закрыто почти 1200 храмов и других культовых учреждений различных конфессий, значительная часть из них была разрушена.

В Саратове за эти годы были закрыты и разрушены свыше 80 монастырей, храмов, часовен, молельных домов и других культовых учреждений, в том числе разрушены три красивейших храма в центре города, определявшие его индивидуальную неповторимость: православный кафедральный собор Св. Александра Невского, католический кафедральный собор Св. Клементия, евангелически-лютеранская церковь Св. Марии.

Аналогичный характер носила антирелигиозная кампания и в сельской местности. Так, в Ивантеевском районе из существовавших ранее 20 церквей и молитвенных домов все были отобраны у верующих. 15 из них переоборудовали под культурные учреждения (клубы, детские сады, ясли), под сыпку зерна, остальные 5 церквей просто не работали, из них 2 официально не закрытые не действовали за неимением служителей культов, они были репрессированы в ходе коллективизации⁹.

В Алтайском районе ранее было 5 церквей, из которых 4 переоборудовали под хозяйственные

нужды, пятую разрушили и использовали как источник строительных материалов¹⁰. В Пугачевском районе было 33 церкви и молельных дома, из них 8 было переоборудовано под клубы и ясли, 7 сломано на стройматериалы, большинство оставшихся также не действовали¹¹. В Малосердобинском районе было закрыто 9 церквей из 9, из них 4 сломаны¹². В других округах и районах Саратовского Поволжья, входившего тогда в Нижневолжский край, ситуация была примерно такой же.

Формально для принятия исполкомом Совета решения о закрытии церкви необходимо было собрать определенное количество подписей местных жителей, либо это решение принималось, например, на общем собрании колхозников. В условиях оголтелого насилия и угроз собрать подписи или провести решение на собрании было не столь уж и сложным делом. Обстановка вседозволенности приводила порой к вопиющим фактам.

1-й съезд колхозников АССР немцев Поволжья¹³ (8–11 декабря 1929 г.) в специальном постановлении «О наступлении на религию» провозгласил одной из важнейших задач колхозного движения ликвидацию религии и закрытие всех церквей. Началось «соревнование» между сельсоветами за быстрое закрытие храмов, причём закрытие церковных сооружений демонстративно приурочивали к каким-либо религиозным праздникам¹⁴.

В начале 1930 г. в той же Немреспублике широкую скандальную огласку получило так называемое «дело Кампгаузена». Председатель Маркшадтского¹⁵ кантонального Союза воинствующих безбожников Л. Кампгаузен под угрозой расстрела, под дулом пистолета заставил патера и церковный совет маркшадтской католической церкви подписать заявление о передаче храма государству на «культурные нужды». За такие действия Главсуд АССР НП приговорил руководителя маркшадтских «безбожников» к двум с половиной годам лишения свободы. Однако Верховный Суд РСФСР заменил это наказание на условное. Нарком юстиции РСФСР также взял Л. Кампгаузена под защиту, заявив, что, «понимая своеобразно директивы партии и советской власти, Кампгаузен, стремясь к выполнению их на все 100 процентов и не имея достаточной поддержки и помощи со стороны более ответственных лиц, наделал ряд “головотяпских поступков”, но таких, в которых нет ни корысти, ни личной заинтересованности...»¹⁶ Данный пример как нельзя ярко характеризует реальную заинтересованность представителей власти в разгроме церкви, ради чего можно было закрыть глаза и на откровенные преступления.

В ряде мест насильственное закрытие церквей вызывало массовый протест граждан и их выступления. Особенно непримиримы к закрытию своих церквей были католики и лютеране. В декабре 1929 г. – январе 1930 г. проходили массовые выступления верующих более чем в 30 католических селах правобережья Волги, южнее Саратова, его на-

чали женщины, пытавшиеся не допустить закрытия церкви и ареста своих пасторов. 5–6 июня 1930 г. тысячи горожан Маркштадта вышли на улицы города, протестуя против закрытия лютеранской церкви. Для подавления этих выступлений использовались военные. Десятки участников протеста были репрессированы¹⁷.

Ситуация в немецких селах встревожила даже центральные органы ВКП(б). Заведующий информационно-статистическим сектором ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков потребовал от руководства АССР НП немедленно сообщить все подробности «контрреволюционной ситуации» в республике. Ему был дан подробный разъясняющий ответ, позволяющий сегодня очень четко и конкретно представить содержание и характер протестных выступлений¹⁸.

Протесты граждан против принудительного закрытия церквей имели место и в других местах. Так, ячейкой Союза воинствующих безбожников маслозавода «Профинтерн» в Николаевке была организована антирелигиозная лекция, на которую было собрано около полутора тысяч человек. Во время этой лекции верующие устроили протест против закрытия Преображенской церкви. «Церковь не отдадим, если вам нужен клуб – стройте», – кричали собравшиеся. Лекция была сорвана, толпа не расходилась в течение 3 часов¹⁹.

Голод 1932–1933 гг., имевший тяжелейшие последствия в виде массовой гибели людей, помог власти «добить» церковь. Все религиозные конфессии в Саратовском Поволжье вынуждены были действовать в нелегальных и полунелегальных условиях. Тем не менее религиозная жизнь, особенно в селах, не замирала. Спецорганы фиксировали такие факты и докладывали о них по команде.

В 1934 г. в Ртищевском районе два «попа», «занимались починкой обуви и вели контрреволюционную агитацию». В Романовском районе «поп» Мартынов занимался фотографией и починкой часов. Делал он это бесплатно, но одновременно вел «антисоветскую агитацию»²⁰.

В марте 1935 г. бюро обкома ВКП(б) АССР немцев Поволжья с помощью органов НКВД обнаружило «беспримерный факт политической слепоты и попустительства ряда руководящих работников Энгельсского горсовета, горно и прокуратуры», позволивших «разлагающую контрреволюционную деятельность церковников в 3-й советской школе». Суть дела состояла в том, что после того как бывшее монастырское помещение передали под школу, в двух подвальных комнатках с отдельным входом осталось жить несколько старушек-монахинь, которые тайком по просьбе верующих совершали обряды крещения, венчания, продавали крестики, просвирки и т. п. «Виновные» в происшедшем руководители горно и городской прокуратуры были сняты с работы и исключены из партии, монахини – арестованы, а по всей Немреспублике вновь на некоторое

время развернулась истеричная антирелигиозная кампания²¹.

Одним из методов антирелигиозной пропаганды были антирелигиозные кампании в преддверие религиозных праздников. Власть боялась, что в канун религиозных праздников возможно возрастание активности верующих, что приведет к срыву в производстве, к срыву завершения года, срыву выборов в Советы и другим ненужным последствиям. В целях противодействия предусматривался ряд мероприятий: лекции на антирелигиозные темы, беседы и лекции по естественно-научным вопросам, агитация, иногда крайне агрессивная, против веры и церкви.

Так, например, в плане проведения антирелигиозной кампании, направленной против осенних иудейских праздников, в 1935 г. предусматривалось провести ряд мероприятий: доклады на Саратовской швейной фабрике и Саратовском заводе «Комбайн» «о значении еврейских праздников и их классовой сущности», антирелигиозный вечер с докладом и постановкой пьесы «Каин и Артем». К кампании были привлечены газета «Коммунист» и сделан антирелигиозный доклад по радио с саратовского радиоузла²².

Интересный случай произошёл в католическом селе Мариенталь²³ на Рождество в ночь с 24 на 25 декабря 1935 г. По решению Мариентальского кантона должны были проводиться антирелигиозные беседы. Однако они нигде не состоялись. В то же время, по информации НКВД, во многих сёлах, в том числе и в кантональном центре, «вечером собрались группы молодёжи, изображая “младенца Христа”, ходили по домам, раздавая детям рождественские подарки, пели религиозные песни». Вручая детям подарки, некоторые из «божественных младенцев» задавали детям вопросы вроде того, что был задан мальчику Лео Юнкеру: молится ли он за своего отца, осуждённого на 10 лет, чтобы тот выжил и поскорее вернулся из заключения?²⁴

Конституция СССР 1936 г. увеличила разрыв в правах между верующими и атеистами: в ст. 124 провозглашалось: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», то есть право исповедания религии (которое включает свидетельствование о своей вере) было заменено на право совершения религиозных обрядов²⁵. Конституция стала своеобразным толчком к активизации религиозных чувств верующих. Начало расширяться движение за открытие церквей, их ремонт и реставрацию. Свидетельства об этом можно найти практически в каждой докладной записке Облоргбюро СВБ. Требования исходили от церковных советов, которые существовали при бездействующих молитвенных зданиях.

В докладной записке на имя постоянной комиссии культов при Президиуме ЦИК СССР

об обследовании состояния антирелигиозной работы и деятельности религиозных организаций Саратовского края (1936 г.) сообщается, что антирелигиозные организации благодаря бездействию районных организаций в вопросах антирелигиозного воспитания, бездействию со стороны партийных, комсомольских и общественных организаций вызывают рецидивы религиозности. Во многих районах наблюдается религиозное движение за открытие церквей, в районах ходят слухи, которые распространяют церковники, что «сосланные попы вернутся в свои церкви»²⁶.

В селе Дергачи верующие предпринимали попытки открыть православную церковь, которая была закрыта по постановлению общего собрания колхозников, и эта попытка, естественно, не увенчалась успехом²⁷.

А вот в селе Малый Узень Питерского района было две неработающие церкви, но не оформленные юридически, священнослужитель был арестован органами НКВД, а церкви использовались под хранение зерна. В дальнейшем после вывоза зерна из церкви к председателю сельского совета пришла делегация от верующих. Они заявили о желании отремонтировать церковь на свои деньги, найти священника для проведения религиозных мероприятий и предоставили список желающих посещать церковь в количестве 1500 человек. На такие заявления председателю сельского совета Афанасьеву противопоставить было нечего. В результате «церковники победили», говорилось в докладной записке по обследованию Питерского района за 1938 г.²⁸

В сентябре 1937 г. в селе Беттингер²⁹ церковный староста Кремер провёл регистрацию верующих. В результате в его списке оказалось 793 человека. Как только об этом стало известно партийным и советским органам, Кремер был немедленно арестован, а в колхозе проведена «чистка» и «изоляция чуждых элементов»³⁰.

Несмотря на запреты и принимаемые со стороны властей административные, а порой и уголовные меры, активную антирелигиозную пропаганду верующие в предвоенное десятилетие продолжали исповедовать свою религию, соблюдать обряды и праздники. Накануне и в дни Пасхи наблюдались очереди в городские бани и на трамвай, следующие до церкви. На рынке раскупалась вся молочная продукция. В дни религиозных (православных, католических или лютеранских, мусульманских и иудейских) праздников фиксировались массовые прогулы и невыходы на работу, падала производительность труда на предприятиях города. Церковь продолжали посещать люди разных возрастных категорий, в том числе молодежь: «Несмотря на значительные успехи в деле проведения антирелигиозного и интернационального воспитания... почти повсеместно имеет место посещение... церквей и мечетей»³¹. Религиозные подвижники продолжали крестить детей, венчать молодоженов, совершать другие

церковные обряды, во многих семьях имелись иконы.

Репрессивная антицерковная политика Советского государства в 1930-е гг. нанесла огромный урон всем религиозным конфессиям, существовавшим в Саратовском Поволжье. Были отобраны и уничтожены сотни церквей, репрессированы многие священнослужители и верующие, религиозная жизнь приобрела полулегальный и нелегальный характер. Однако варварский «кавалерийский наскок» государства на религию и церковь, на верующих в полной мере реализовать не удалось. Даже в сложнейших условиях антицерковного террора религиозная жизнь продолжалась, приобретая новые формы, помогавшие выжить в трудные времена.

Примечания

- 1 См., например: Иллюстрированный путеводитель по Волге от Твери до Астрахани. Н. Новгород, 1898 ; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 г. Саратов, 1906 ; Саратов в кармане : путеводитель. Саратов, 1910 и др.
- 2 Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 г. URL:// <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-normy/n7n.htm> (дата обращения : 07.01.2015).
- 3 О мерах по усилению антирелигиозной работы : циркулярное письмо ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2. См. также: URL:// <http://rove.biz/index.php/group-1/2013/title-48252> (дата обращения : 25.02.2015).
- 4 О религиозных объединениях : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL:// <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1787> (дата обращения : 07.01.2015).
- 5 См.: Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 2-е изд., доп. М., 2013. С. 44–46.
- 6 Конституция РСФСР 1918 г. URL : См. <http://rove.biz/index.php/group-1/2013/title-48252> (дата обращения : 25.02.2015).
- 7 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 34.
- 8 Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007. С. 362.
- 9 ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 15.
- 10 Там же. Л. 50.
- 11 Там же. Д. 33. Л. 1.
- 12 Там же. Л. 10.
- 13 В 1928–1933 гг. АССР немцев Поволжья входила в состав Нижневолжского края, в 1934–1936 гг. – в состав Саратовского края. С 1937 г. – перешла в подчинение высшим органам власти РСФСР.
- 14 См.: Герман А. А. Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге 1918–1941 гг. Саратов, 2004. С. 304.
- 15 Маркштадт (до 1919 г. – Екатериненштадт) – ныне г. Маркс Саратовской области.

- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1573. Л. 35–36.
¹⁷ Там же. Д. 1575. Л. 81, 82, 84, 184–190; Д. 1673. Л. 54.
¹⁸ См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 186–190.
¹⁹ ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 103–103об.
²⁰ Там же. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 33. Л. 45.
²¹ См.: Герман А. А. Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге. С. 305.
²² ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.
²³ Ныне с. Советское Саратовской области.
²⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3055к. Л. 3–4.
²⁵ Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1974. С. 47.
²⁶ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 8 и др.
²⁷ Там же. Д. 33. Л. 45.
²⁸ Там же. Л. 66–67.
²⁹ Ныне с. Воротаевка Марковского района Саратовской области.
³⁰ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3076. Л. 52.
³¹ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 325. Л. 32.

УДК 94(470.44/.47)|1953/1985|

ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1953–1985 ГОДЫ (по материалам Нижнего Поволжья)

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В работе анализируются основные направления реализации жилищной политики в Нижнем Поволжье в 1953–1985 гг. в период хрущевских и брежневских реформ советского общества. Статья базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, опубликованных источников, периодической печати.

Ключевые слова: барак, высотка, домоуправление, жилищная кооперация, жилищное строительство, жилая площадь, жилищный вопрос, квартира, квартиросъемщик, коммунальная квартира.

The Housing Policy of the Soviet State in 1953–1985 (Based on the Data of the Lower Volga Region)

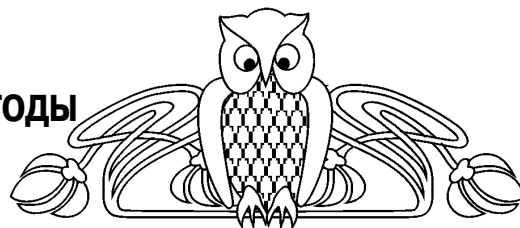
A. A. Gumenyuk

In this article, the main directions of the housing policy in the Lower Volga region in 1953–1985, in the period of Khrushchev's and Brezhnev's reforms, are analyzed. The article is based on the data from the archives and periodical press.

Key words: barack, high-riser, house management, housing cooperation, housing construction, living space, housing problem, flat, house-holder, communal flat.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-100-106

Жилищный вопрос являлся важным компонентом социального развития не только современного Российского, но и Советского государства. Однако вплоть до середины XX в. к его решению законодательство подходило с классовых позиций. Такая модель социального развития позволила большевикам отстоять завоевания Октября в годы Гражданской войны, в стихии рынка эры нэпа, осуществить модернизацию социальной сферы «по-сталински». Однако лишь незначительная часть населения страны смогла действительно улучшить свои жилищные условия. Только воен-

ное лихолетье и вызванные им восстановительные процессы вынудили власть имущих начать проявлять заботу о тех, кто на самом деле нуждался в этом. Тем самым в 1941–1952 гг. был инициирован процесс выделения социального компонента в самостоятельное направление внутренней политики государства. Окончательно эта трансформация завершилась в период «хрущевской оттепели» и последовавшие за ней годы. В результате был выработан комплекс мероприятий, позволявший обеспечивать жилой площадью не только элитарные категории населения, но и широкие массы трудящихся. Опыт решения жилищной проблемы в 1953–1985 гг., несомненно, сохраняет свою актуальность и в современных реалиях российского социума, малоимущие категории которого несомненно нуждаются в существенной поддержке государства. Для этого представляется необходимым обратиться к региональному аспекту проблемы, поскольку использование именно провинциального материала делает возможным воссоздать истинную картину основных вех жилищного строительства исследуемого отрезка времени.

К настоящему моменту уже появились провинциальные исследования по этому вопросу¹, этот аспект также затрагивается в обобщающих работах по истории отдельных областей, республик Нижнего Поволжья². С их учетом и широкой источниковой базы в данной работе будут проанализированы пути решения жилищной проблемы в период первых (1953–1964 гг.) и вторых (1964–1985 гг.) реформ советской системы на материалах Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей и Калмыцкой АССР. Рассмотрим первый из обозначенных этапов.

В начале 1950-х гг. жилищный вопрос в регионе стоял очень остро. Незначительные средства, выделяемые на жилищное строительство, не осваивались³. Темпы возведения домов замедлялись,